

О ТИПОЛОГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ИСПАНИСТИКЕ

О. В. Сидоревич-Стахнова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, stakhnova@mail.ru*

Разделение вежливости на позитивную и негативную, как это было предложено П. Браун и С. Левинсоном, далеко не всем исследователям представляется удачным с терминологической точки зрения. Критике подвергается, во-первых, использование термина «негативный» по отношению к вежливости, так как она связана с представлением о чем-то положительном. Во-вторых, существуют неудобства в использовании слова «негативный» для обозначения вежливости дистанцирования. Особенно остро это проявилось тогда, когда возникла проблема квалификации невежливости в отношении к общей теории вежливости. В испанистике принято разделение вежливости на альтероцентрическую, эгоцентрическую и отрицание вежливости (невежливость). В теоретическом плане такая классификация оказывается более удачной и позволяет избежать терминологической неточности.

Ключевые слова: вежливость; концепция П. Браун и С. Левинсона; альтероцентрическая и эгоцентрическая вежливость; невежливость; обценная лексика.

ON THE TYPOLOGY OF POLITENESS IN THE SPANISH LANGUAGE

O. V. Sidorevich-Stakhnova

*Belarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, stakhnova@mail.ru*

The idea of two types of politeness (positive and negative) belongs to P. Brown and S. Levinson. Nevertheless this classification is not considered successful by many researchers from a terminological point of view. Firstly, the use of the term “negative” in relation to politeness is criticized because politeness is connected with the idea of something positive. Secondly, there are inconveniences in using the word “negative” to mean politeness of disassociation. This became even more critical when a problem of qualifying impolite behavior in relation to the general theory of politeness appeared.

In Spanish studies, the division of politeness into alterocentric, egocentric and impoliteness is accepted. From the theoretical point of view such a classification is more successful and avoids terminological inaccuracies.

Keywords: politeness; theory of P. Brown and S. Levinson; alterocentric and egocentric politeness; impoliteness; rude language.

Среди лингвистов, изучающих проблематику вежливости, широкое распространение получила классификация вежливости, предложенная американскими авторами П. Браун и С. Левинсоном. Имеется в виду разграничение двух видов вежливости: *positive politeness* ‘позитивная вежливость’ и *negative politeness* ‘негативная вежливость’.

Под позитивной вежливостью понимается выражение солидарности говорящего со слушающим и включение адресата в одну группу с адресантом. Что же касается негативной вежливости, то здесь подчеркивается предоставление свободы действий собеседнику, уважение его «автономности» [1, с. 101, с. 129].

Однако в терминологической стороне этого явления обнаружились существенные неудобства. Для многих ученых оказалось затруднительным при-

нять термин «негативная вежливость» в силу его двусмысленности: «вежливость» ориентирует на представление о достоинстве, т. е. о чем-то объективно положительном, в то время как «негативный» связывается с противоположной, неблагоприятной коннотацией.

Так, испанский лингвист Ф. Х. Гранде указывает на то, что для многих специалистов, с учетом оценочных нюансов в семантике «позитивный» и «негативный», более приемлемы соответственно “*imagen de autonomía*” ‘образ автономности’ и “*imagen de afiliación*” ‘образ ассоциированности’ [2, с. 333].

Неудобства в использовании слова «негативный» для обозначения вежливости дистанцирования с еще большей отчетливостью проявились, когда возникла проблема квалификации невежливости в отношении к общей теории вежливости.

Некоторые исследователи полагают, что речевой конфликт может принимать на себя роль регулятора социального равновесия среди говорящих и в этом смысле функционально сближается с собственно вежливостью (Б. Ю. Норман [3], Л. А. Козловская [4, с. 6], Л. В. Чайка [5, с. 173–174] и, по сути, Р. В. Шиленко [6, с. 49] и Г. В. Карпук [7, с. 25]).

Семантике вежливости в высокой степени свойственна градуальность [8, с. 63]. На этом фоне не выглядит необычной позиция авторов, для которых понятие невежливости теоретически оказывается втянутым в сферу вежливости. В связи с этим показательны попытки представить структуру вежливости в виде триады, одна из частей которой соответствует отрицанию вежливости, т. е. невежливости.

В испаноязычной литературе получила распространение триадная схема, в которой термин «негативный» («отрицательный») исключается из сферы вежливости и закрепляется за противоположным представлением (представлением о невежливости). Кроме того, в терминологическом плане использование понятий альтероцентрический и эгоцентрический оказывается более приемлемым.

В содержании термина «альтероцентричность» подчеркивается, что говорящий ориентируется на интересы слушающих. Это проявляется в желании говорящего обеспечить психологический комфорт, подчеркнуть согласие с позицией другой стороны. Разговор в целом отличается взаимной вежливостью и предупредительностью. Например,

(1.1) *Dan vignés. – ¿Quiere usted sentarse?*
Mata-Hari. – Gracias.

‘Д. – Не желаете ли присесть?
М.-Х. – Спасибо’.

(Marsillach A. Mata-Hari, 55)

Если при альтероцентрической вежливости социальное лицо общающихся (в понимании Браун и Левинсона) представляется в равной мере защищенным, то при эгоцентрическом общении защищенным оказывается социальное лицо лишь одного из партнеров. В этом случае отсутствует установка на партнера, что проявляется в различной степени активности общающихся. Говорящий принимает на себя роль инициатора и лидера в диалоге. Собеседник же оказывается в более пассивной, подчиненной позиции. По существу личность собеседника в некоторой степени игнорируется, хотя формально по-

ведение говорящего, казалось бы, не нарушает требований благожелательности. Например,

Ninette. – <i>Métase en su cuarto y cierre la puerta. Yo abriré...</i>	‘Н. – Идите в свою комнату и закройте дверь. Я открою...
Andrés. – <i>Y ¿qué va a decirle?</i>	А. – И что вы ему скажете?
Ninette. – <i>¡Perométase, señor!</i>	Н. – Идите же, сеньор!’

(Mihura M. Ninette y un señor de Murcia, 157)

Здесь в устах адресанта (Ninette) внешне звучит вполне вежливое выражение – императивное значение глаголов *meterse* и *cerrar* смягчается характерной для испанского языка формой третьего лица. Косвенность этой формы, казалось бы, подчеркивает благожелательность говорящего, что подтверждается использованием вежливого обращения *señor*. Но общая тональность ситуации в данном случае такова, что за внешней вежливостью прослеживается линия на то, чтобы склонить адресата к желательному для адресанта поведению. Позиция адресата оказывается ущемленной в интересах эгоцентрических намерений адресанта. Ср. позицию Н. И. Формановской, в соответствии с которой «побуждать собеседника что-либо делать, особенно в форме императивного высказывания, по крайней мере невежливо, поскольку это может ограничивать его свободу выбора что-либо делать или не делать» [9, с. 134].

Если эгоцентрическая вежливость представляется своеобразным симулякром доброжелательности, то отрицанием вежливости является открытое намерение говорящего нанести вред социальному лицу партнера. Говорящему оказываются чужды какие-либо маскировочные интенции, что находит выражение в иронических и саркастических оценках или, имея в виду крайние формы, в оскорблениях, словесных унижениях, бранных до непристойности оборотах и т. д. Например,

(1.3) Juan. – <i>Está todo lleno de polvo.</i>	‘Х. – Все в пыли.
Rosa. – <i>Si quieres, te lo limpio para que no te manches el frac. Espera: ¡Bautista!, límpiale aquí al señor marqués el diván rojo, o si quiere su excelencia pasamos al saloncillo de té, con cuidado, eso sí, para que no se dé con los árboles.</i>	Р. – Если хочешь, я вытру пыль, чтобы ты не испачкал фрак. Подожди: Баутиста, протри для сеньора маркиза красный диван или, если его превосходителство пожелает, мы можем пройти в чайный зал, но только осторожно, чтобы не удариться о деревья.
Juan. – <i>(Ante las risas de Antonio y Antoñita) No tiene gracia. (Se sienta en un tronco después de limpiarlo con un pañuelo).</i>	Х. – (Под смех Антонио и Антоньиты) Это не остроумно (он садится на бревно, протерев его платком)’.

(Alonso de Santos J. L. Fuera de quicio, 21)

Gocho. – <i>Ha sido sin querer, Leandro, no te mosquees.</i>	‘Т. – Это вышло нечаянно, Леандро, не злись.
Leandro. – <i>¡Anda, veteamear!</i>	Л. – Да иди ты к черту!’

(Alonso de Santos J. L. La estanquerade Vallecas, 22)

В реальной жизни грубость в речи принимает еще более вызывающие формы. Специфичность подобных фактов заключается не только в том, что они сами по себе, будучи отрицанием вежливости, свидетельствуют о неблагополучии в вербальной сфере социальной жизни.

Подобные явления обращают на себя внимание и с той точки зрения, что «отрицание вежливости» в ее традиционных формах получает все большее распространение в речи испанской молодежи, что вызывает понятную озабоченность со стороны педагогической и лингвистической общественности. Тем более, что проявления вербальной грубости, порицаемые с нормативной точки зрения, в некоторых сферах современного испанского общества, особенно в молодежной среде, нередко воспринимаются как нормальное замещение традиционных средств выражения фатической функции.

Приведем примеры.

Peña. – <i>Toma. Para ti.</i> Reyes. – <i>¡Hostia! Dos regalos en un solo día.</i>	‘П. – Держи. Это тебе. Р. – Ничего себе! Два подарка за один день’.
--	--

(Pedrero P. Invierno de luna alegre, 33)

Hostia – слово, выражающее досаду, раздражение. Оно достаточно грубое по своей стилистике, поэтому обычно используется при сниженном, фамильярно-дружеском общении. В то же время, как видно из примера, в определенных ситуациях оно способно менять значение и выражать удивление, восхищение.

Andrés. – <i>Vamos, vamos, no llores, que está ahí dentro tu madre, caramba...</i> Ninette. – <i>Y ¿qué me importa a mí mi madre si soy tan desgraciada?</i>	‘Ан. – Ну же, не плачь, ведь твоя мама дома, черт возьми... Н. – И что мне до моей матери, если я так несчастна?’
--	--

(Mihura M. Ninette y un señor de Murcia, 183)

Несмотря на невежливый характер с точки зрения нормативной лексики слова *caramba*, оно употребляется говорящим как эмфатическое средство для привлечения внимания собеседника к высказыванию. Такое использование слова не должно служить для адресата выражением агрессии, оно скорее служит для того, чтобы подчеркнуть групповую солидарность.

Та же прагматическая нагрузка вскрывается, например, в слове *tonto*, обозначающем в общем языке ‘дурак’. В некоторых ситуациях его исходная семантика выветривается, уступая место эмфатическому содержанию, которое призвано эмоционально объединить общающихся:

Geresa. – <i>Tonto. Oye: estás fenomenal, te encuentro hecho un chaval...</i> Vidal. – <i>Qué bien mentís las actrices...</i>	‘Т. – Дурак. Послушай, ты великолепен, я считаю, ты стал настоящим парнем. В. – Как вы, актрисы, здорово лжете...’
---	---

(Mira J. L. Aras del cielo, 19)

Отметим, что наблюдательному иностранцу бросается в глаза эта необычная черта общения современных испанцев. Так, английский журналист Д. Лоней в опубликованной в 1993 г. книге «Эти странные испанцы» особенно отмечает нередкое в разговоре обращение испанцев к обсценной лексике, связанной с обозначением физиологических отправления и сексуальных актов [10, с. 70–71].

Можно заключить, таким образом, что инвертирование грубой лексики в сферу вежливого выражения представляется особым и относительно новым

явлением в испанском языке. Очевидно, оно представляет собой часть более широкого, начавшегося активно развиваться в конце XX века процесса по упрощению традиционных для испанской культуры прошлого вежливых принципов общения.

Казалось бы, исходная семантика грубости и даже агрессивности не может не вести к рассогласованию фатических позиций собеседников, если только слушающий не оказывается ниже порога понимания интенций говорящего.

Иногда грубость не направлена на критику другого, на то, чтобы нанести ущерб его социальному «лицу». Она рассчитана скорее на то, чтобы “afianzarloslazosdecamaraderíadentrodelgrupo” [11, с. 432] ‘укрепить узы товарищества внутри группы’ (ср. [12, с. 47–59]).

Подобные факты позволяют констатировать, вслед за Х. Мурильо, что исследования в области вежливости (невежливости) представляют собой особую ценность для понимания языка и культуры современного испаноязычного мира [13, с. 53].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Brown P. Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
2. Grande A. F. J. La cortesía verbal como reguladora de las interacciones verbales // La competencia pragmática y la enseñanza del español como lengua extranjera : actas del XVI Congr. Intern. de ASELE, Oviedo, 22–25 sept. 2005. Oviedo, 2005. P. 332–342.
3. Норман Б. Ю. Основы языкознания. Функция языка [Электронный ресурс] // Рус. яз. 2001. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200104508> (дата обращения: 20.08.2015).
4. Козловская Л. А. Фатическая функция языка: социолингвистический и структурно-грамматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Минск, 1993.
5. Чайка Л. В. Вербальные конфликты: вариант классификации // Вісн. Дніпропетр. ун-ту економіки та права. Сер. Філол. науки. 2001. № 1. С. 170–174.
6. Шиленко Р. В. Прямые и косвенные экспрессивные высказывания в аспекте регулирования межличностных отношений // Языковое общение и его единицы: межвуз. сб. науч. тр. Калинин, 1986. С. 49–54.
7. Карпук Г. В. Контактостанавливающая функция языка в судебном дискурсе: на материале выступлений русских и американских адвокатов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Минск, 2006.
8. Ратмайр Р. «Новая русская вежливость» – мода делового этикета или коренное прагматическое изменение? // Вопр. языкознания. 2009. № 1. С. 63–82.
9. Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. М. : ИКАР, 2012.
10. Лоней Д. Эти странные испанцы / пер. с англ. А. Базина. М.: ЭгмонтРоссияЛтд., 1999.
11. Padilla X. La ironía o cómo enmascarar un acto supuestamente amenazante // III Coloquio internacional del programa EDICE: cortesía y conversación: de lo escrito a lo oral. Valencia, 2006. P. 419–435.
12. Zimmerman K. Constitución de la identidad y anticortesía verbal entre jóvenes // Actas del primer coloquio del programa EDICE: la perspectiva no etnocentrista de la cortesía: identidad sociocultural de las comunidades hispanohablantes. Estocolmo, 2003. P. 47–59.
13. Murillo J. Sobre la metodología de investigación en estudios sobre el discurso de la cortesía: a propósito del empleo de cuestionarios de hábitos sociales // III Coloquio internacional del programa EDICE: cortesía y conversación: de lo escrito a lo oral. Valencia, 2006. P. 53–70.